

Фото Ольги Васиной

Вячеслав Васин

Строение слезы

... Это случилось давно: когда автор, родившийся на свет в конце 1940-х, учился на втором курсе Московского физико-технического института, куда поступил по примеру своего близкого друга. «Способности к наукам у меня, как оказалось, были, — рассказывал Вячеслав Георгиевич, — но литературой я стал заниматься раньше, всегда много читал».

А случай — это появление на свет самого первого стихотворения Вячеслава Васина, которое не только сохранилось, но, спустя годы, было и напечатано.

Оно называлось «Встреча» и рассказывало, представьте, об Иоанне Предтече.

«По огнедышащей пустыне / Через песчаный океан / Наш путь смыкается отныне / твоей дорогой, Иоанн. // Теперь мы — странники вселенной, / Благословленные тобой. / Что нам оковы жизни брэнной, / Коль завтра будет мир иной?..»

Сегодня, оглядываясь на свой первый опыт (а стихотворение об Иоанне Крестителе — это не маленький этюд, но баллада из семи строф!), поэту кажется, что он пошел тогда вослед интонации бунинской религиозной лирики. Может и так. Но интересней другое: ныне Васин возвращается к тому, с чего начинал. Читая его недавний сборник «Дорога в Шамбери» (2020), ясно видишь, что многие стихи, созданные поэтом в последние годы, содержат в себе всё ту же «духовную жажду», которая ощущалась в его давней «Встрече».

Вячеславу Васину интересна как традиционная, рифмованная поэзия, так и верлибры (к ним он тяготеет сильнее).

Причём его свободный стих ищет минимализма.

Примером тому — одностишия, которые обаятельны своей оптической выверенностью.

Талант гостя наших «Строф» привечали такие разные люди, как легендарный лингвист-фонетик Михаил Панов и тончайший, «тихий» лирик — Владимир Соколов. «В стихах Васина есть воздух и звук, они лаконичны, — писал Владимир Николаевич. — Мне нравится в этом поэте стремление учиться у русских классиков и вместе с тем быть самостоятельным и современным...» **Ф.**

Павел Крючков,
заместитель главного редактора журнала «Новый мир»
Рисунок Дарьи Герасимовой

Бабушкин подарок

Марлей их покрывала,
Обвязывала бечевой —
Бабушка продавала
Флоксы на Беговой.
Днём, средь людского гама
С нею стоял я у Храма:

Свет. Ощущение счастья.
Первое моё Причастие.
Детство. Святая вера.

Книжка про Гулливера...

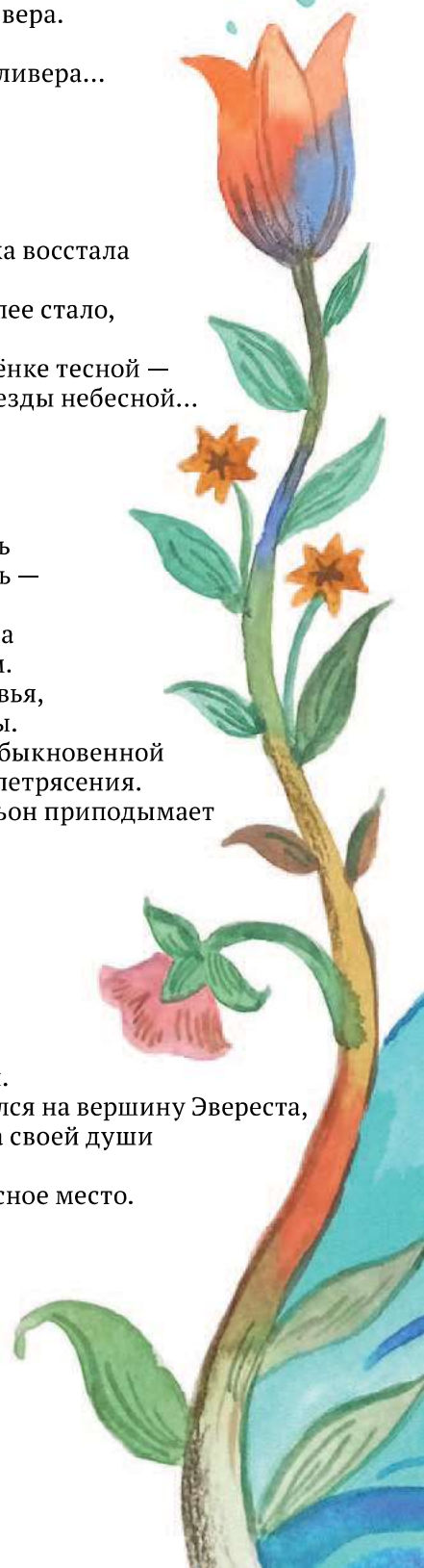
Дочери

Словно звёздочка восстала
из небытия —
так с тобой светлее стало,
девочка моя:
в нашей комнатёнке тесной —
дальний свет звезды небесной...

С лёгкостью день
переходит в ночь —
и наоборот.
С лёгкостью зима
сменяется летом.
Вырастают деревья,
зацветают цветы.
С лёгкостью необыкновенной
происходят землетрясения.
И даже шампиньон приподымает
асфальт
с лёгкостью.

Поэт

Шумно жил,
А творил в тиши.
В мыслях поднялся на вершину Эвереста,
И все сокровища своей души
Переложил
в безопасное место.

Десять лет без Ницше

Свет

Он несётся быстрее всего —
Чтобы тьма не объяла его.

Родилась дочь —
И горизонт жизни отодвинулся,
Умерла мать —
И горизонт жизни приблизился.

Строение слезы

Раскатисто
трубно
в детской беседке
бомжи смеются

В океане

Сквозь толщу воды
Слышно, как бьётся
Сердце кашалота.

И уже недалеко то время,
когда прекрасным будет признаваться
всё непричастное к деятельности человека.

В толпе

Один бранит,
Другой толкает —
Содом. Сыр-бор.
Но в голове не умолкает
Церковный хор:

Один старик... одна старушка
(О ком? о ком?..)
Одна прозрачнейшая стружка
Под верстаком
Желтеет в глубине киота.

Как та, Божественная, нота.

Перед Вторым Пришествием

Зеленела трава —
Вдруг цветы расцвели.
Что с тобой? Ты жива?
Что-то с осью Земли.

Деревя полегли.
Всё горит. Я горю.
Что-то с осью Земли, —
Я тебе говорю.

Эти звёзды, они...
Не узнать наших мест.
Ты на небо взгляни,
Посмотри! — Южный Крест.

Сердце

Сердцу-то вон как легко:
Сбросило всё неуместное,
И высоко. Высоко.
Выше лишь Царство Небесное.

Мальчик шмеля поймал
В бутон цветка, —
Это я.

